

© 2007 г. А. А. ГИППИУС

К ПРОБЛЕМЕ РЕДАКЦИЙ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ. I

Обсуждение вопросов истории текста Повести временных лет (ПВЛ), с каких бы позиций оно ни велось, неизбежно, как к точке отсчета, возвращается к классической схеме А.А. Шахматова, занимающей в историографии начального русского летописания место, аналогичное тому, какое в истории русского летописания принадлежит самой ПВЛ. Хотя адекватность этой схемы в целом и ее отдельных положений нередко ставились под сомнение или даже отрицались (в результате, как целостное построение, она является сегодня скорее достоянием университетских курсов, чем предметом сколько-нибудь широкого научного консенсуса), шахматовская схема уже без малого столетие сохраняет за собой значение главного ориентира в данной области, роль своего рода “классификатора” научной традиции, по отношению к которому группируются, разбиваясь на русла и потоки, различные исследовательские подходы и гипотезы.

Напомним, что согласно схеме Шахматова, в том виде, в каком она изложена им в книге 1916 г. [1]¹, первая редакция ПВЛ, которой предшествовал киевский Начальный свод 1093–1095 гг., была составлена Нестором в 1111 г. и до нас не дошла. Вторая редакция, составленная Сильвестром в 1116 г., сохранилась в списках лаврентьевской группы (ЛТРА)², но не в первоначальном виде, а со следами вторичного влияния со стороны третьей редакции. Эта последняя была составлена на основе второй редакции в 1118 г. и читается в списках ипатьевской группы (ИХ).

Гиппиус Алексей Алексеевич – д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “Русская культура в контексте мировой истории” (проект “Раннее древнерусское летописание в контексте европейской культурной традиции”).

¹ В дальнейшем цитируется по переизданию в [2].

² Литерами Л, Т, Р, А, И, Х обозначаются шесть полных списков ПВЛ: Лаврентьевский, Троицкий (сгоревший в 1812 г., но частично реконструируемый), Радзивилловский, Московско-Академический, Ипатьевский, Хлебниковский. Списки ЛТРА образуют лаврентьевскую группу, списки ИХ – ипатьевскую; в пределах лаврентьевской группы к общим протографам восходят списки ЛТ и РА. Понятия “лаврентьевский текст” и “ипатьевский текст” употребляются в статье как синонимичные понятиям “общий текст списков лаврентьевской группы” и “общий текст списков ипатьевской группы”. Кроме того, по традиции, общий текст списков ИХ называется нами Ипатьевской летописью, а списков РА – Радзивилловской летописью. Текст, представленный во всех полных списках ПВЛ, мы называем ее “основным текстом”. Тексты летописей цитируются по их последним публикациям в [3].

Хрестоматийность проблематики настоящей статьи избавляет нас от необходимости предварять свой анализ обзором историографии – вместо этого мы обозначим круг положений, от которых в дальнейшем будем отправляться как от исходных, считая их уже доказанными нашими предшественниками.

Первым и наиболее общим из таких положений является взгляд на ПВЛ как гетерогенный по своему происхождению текст, в котором на всем его протяжении наличествуют фрагменты, принадлежащие перу разных авторов. Это представление, сложившееся еще в дошахматовскую эпоху, является в настоящее время общепринятым. Предпринимаемые время от времени попытки вернуться к представлению о создании основного текста ПВЛ одним автором представляются малообоснованными.

Последняя из таких попыток принадлежит В.Н. Русинову [4]. Единственным автором текста ПВЛ за 1051–1117 гг. исследователь считает киево-печерского монаха Василия, упоминающего о себе в статье 6605 г. К этому же выводу полвека назад пришел А. Вайан [5], который, впрочем, пошел еще дальше, отождествив Василия с Сильвестром. Тезис о едином авторе ПВЛ исследователи обосновывают по-разному. А. Вайан, анализируя имеющиеся в тексте прямые и косвенные свидетельства о личности автора, его происхождении, образе мыслей, литературном кругозоре и проч., заключает, что все они вполне могут относиться к одному лицу, каковым классик французской славистики и считает Василия – Сильвестра. Для В.Н. Русинова главным свидетельством авторского единства текста ПВЛ в рассматриваемых хронологических рамках является присутствие в нем комплекса лингво-текстологических признаков, не свойственных привлекаемым для сопоставления памятникам русского летописания XII в. (ремарки от первого лица, обороты типа “до сего дне”, провиденциальное истолкование побед и поражений и т.д.).

Общим в подходе обоих авторов является, к сожалению, пренебрежение текстологическими фактами, не укладывающимися в предлагаемую концепцию. Некорректным является утверждение В.Н. Русинова, будто выводы о сводном происхождении текста ПВЛ за вторую половину XI – начало XII в. “всегда ограничивались лишь самыми общими соображениями, ничего не доказывающими и не объясняющими” [4. С. 122]. Это безусловно не так: помимо общих соображений эти выводы базировались на конкретных текстологических наблюдениях (не будем приводить примеров: речь о них пойдет дальше). Последние могли быть более или менее доказательными – это другой вопрос, который и должен в первую очередь быть предметом рассмотрения. Но просто игнорировать эти наблюдения, противопоставляя им собственную систему аргументов, будто бы свидетельствующую об обратном, – не лучший путь доказательства собственной правоты.

С другой стороны, доказательность лингво-текстологических аргументов В.Н. Русинова вызывает сомнения. Непонятно, почему, например, редкое употребление в киевском или новгородском летописании XII в. авторских ремарок от 1-го лица должно непременно говорить о том, что все такие ремарки, встречающиеся в ПВЛ, принадлежат одному автору. Дополнение или редактирование ранее созданного текста предполагает не только внесение в него черт индивидуального стиля, но и частичное усвоение приемов изложения перерабатываемого оригинала, и в этом смысле ПВЛ как плод коллективного труда, каким она представляется традиционному взгляду, не может не обладать комплексом литературно-языковых характеристик, свойственных только ей и не представ-

ленных или представленных значительно реже у более поздних летописцев, решавших совсем иные литературные задачи в иной литературной среде.

Столь же непонятен и отказ от рассмотрения текста ПВЛ до 1051 г. Нетрудно убедиться в том, что большинство признаков, трактуемых В.Н. Русиновым как приметы одной авторской манеры, не ограничены в своем распространении статьями 1051–1117 гг., но встречаются и в повествовании о древнейшей истории Руси. Спрашивается: готов ли В.Н. Русинов допустить, что все это повествование тоже принадлежит Василию? Если нет, то это противоречит его собственной логике, поскольку неясно, почему одни и те же признаки в одном случае свидетельствуют о работе одного автора, а в другом нет. Если же да, то против такого предположения восстает уже решительно все, что известно о внутренней неоднородности древнейшей части ПВЛ.

Вторым разделяемым нами положением является объяснение текстологической гетерогенности ПВЛ как следствия прошедшего несколько этапов редактирования некоего исходного текста. Иначе говоря, мы разделяем предложенную Шахматовым [6] общую модель, представляющую ПВЛ как систему редакционных “оболочек”, разросшихся вокруг первоначального “ядра”, возникшего не позднее середины XI в.

Альтернативу этой “моноцентрической” модели составляет представление об изначальной множественности летописных традиций XI в., питающих собой Начальную летопись. Свое наиболее последовательное выражение эта точка зрения нашла в книге А.Г. Кузьмина [7]. Сходное понимание процесса начального русского летописания отражают также разыскания С.В. Цыба по хронологии ПВЛ [8]. “Моноцентрическая” модель Начальной летописи представляется априори предпочтительной как более экономное описание процесса начального летописания. С другой стороны, объяснение противоречий текста ПВЛ в рамках развития единого “ствола” древнекиевского летописания лучше согласуется с фактом восхождения к общему “корню” различных региональных летописных традиций XII–XIII вв. (включая и новгородскую, основанную на предшествующем ПВЛ Начальном своде, см. след пункт). Реальных текстологических аргументов, которые бы заставляли предполагать существование нескольких отразившихся в ПВЛ местных летописных сводов, созданных в различных центрах Руси, до сих пор, на наш взгляд, приведено не было. Что же касается реконструкции С.В. Цыба, заключающего о существовании по крайней мере пяти таких сводов на основе анализа одних только “хронологических артефактов” [8. С. 95], то сама возможность стратификации текста ПВЛ на независимом от “традиционной” текстологии хронологическом основании представляется в методологическом отношении сомнительной.

Третьим положением, конкретизирующим второе, является обоснованный Шахматовым тезис, согласно которому ПВЛ как летописному своду 1110-х годов, предшествовал киево-печерский Начальный свод 1090-х годов, частично отразившийся в Новгородской 1 летописи (Н1Л) младшего извода [9].

Подчеркнем, что гипотеза Шахматова о Начальном своде разделяется нами не в целом, а лишь в ее центральных положениях, демонстрирующих первичность по отношению к ПВЛ текста Н1Л с начала до статьи 6523 г., включая Предисловие, обоснованно датированное Шахматовым 90-ми годами XI в. Изложение нашей позиции в дискуссии по данным вопросам см. в [10].

Четвертым и последним из наших исходных положений является важная поправка к шахматовскому представлению о соотношении ПВЛ и Начального

свода, сделанная М.Х. Алешковским [11; 12]. Эта поправка влечет за собой существенную модификацию построения Шахматова в целом и требует остановиться на ней подробнее.

Согласно Шахматову, первая, не дошедшая до нас редакция ПВЛ была создана Нестором в Киево-Печерском монастыре в княжение Святополка и отражала дружественную этому князю позицию, которую монастырь занимал со второй половины 1090-х годов; вторая же, силвестровская редакция, вышедшая из стен Выдубицкого монастыря, отражала уже промонаховскую тенденцию. Появление второй редакции было, по Шахматову, результатом передачи Мономахом летописания из Киево-Печерского монастыря в княжеский Выдубицкий монастырь и его основательной переработки [2. С. 537–539]. Свидетельством такой переработки Шахматов считал неоднородность текста ПВЛ за конец XI – первое десятилетие XII в., дублировки и противоречия, выдающие присутствие в нем по крайней мере двух слоев. Более ранний из этих слоев исследователь связывал с Нестором и относил к первой редакции ПВЛ, более поздний считал принадлежащим Сильвестру. В рамках этого построения важнейшее датирующее указание ПВЛ – доведение хронологических выкладок в статье 6362 г. “до смерти Святополчи” (16 апреля 1113 г.) – логично относилось ко второй редакции памятника, определяя *terminus ante quem* создания первой редакции.

В то время как наблюдения Шахматова, обличающие двуслойность текста Начальной летописи в названных временных рамках, в значительной мере сохраняют силу и могут быть подкреплены дополнительными аргументами, определение им этих слоев как восходящих к первой и второй редакциям ПВЛ вызывает возражения.

Реконструируя соотношение этих этапов, Шахматов полагал, что главный источник ПВЛ, киевский Начальный свод, заканчивался статьей 1093 г. и что события последующих лет были впервые описаны уже Нестором на страницах ПВЛ в начале 1110-х годов. В этом допущении, предопределившем дальнейшие выкладки Шахматова, сказалась известная однобокость понимания им самого процесса начального летописания. Периодическое обновление летописных сводов, на котором всецело сосредоточился Шахматов, восстанавливая историю ПВЛ, составляет лишь один аспект этого процесса, в котором не меньшая роль принадлежала постепенному накоплению погодных записей, т. е. анналистическому началу. Сопоставление древнерусского летописания с типологически близкой ему средневековой западноевропейской анналистикой показывает, что вновь созданный летописный свод как правило получал продолжение в виде погодной летописи (анналов) (см. [13]). На древнерусском материале это соотношение демонстрирует новгородский свод Мстислава, составленный около 1115 г. и продолженный погодными записями, а также сама ПВЛ с обоими (лаврентьевским и ипатьевским) вариантами ее продолжения. Есть все основания думать, что и Начальный свод конца XI в. не был по завершении его заброшен на полтора десятилетия, но продолжал пополняться погодными записями до того момента, когда на его основе была составлена ПВЛ.

Возможность такого чисто анналистического продолжения Начального свода, не сопровождавшегося переработкой его основного текста, и была впервые по достоинству оценена М.Х. Алешковским, положившим ее в основу своей версии истории текста ПВЛ. Исследователь обратил внимание на то, что с 1091 г. в ПВЛ начинают встречаться датировки с указанием часа события, определенно свидетельствующие о появлении в Киево-Печерском монастыре в это

время регулярно пополняемой погодной летописи. Начало этой летописи, по мысли Алешковского, было положено составлением в 1091 г. летописного свода (по Шахматову – Начального свода 1093 г.). Согласно Алешковскому, именно этот свод с его продолжением в виде погодной летописи был использован новгородским сводом Мстислава 1115 г., отразившимся в НЛ, причем не только в младшем ее изводе, но и в древнейшем Синодальном списке, по статью 6623 г. включительно.

По Алешковскому, составителем свода 1091 г. и автором продолживших его погодных записей был Нестор, который окончательно доработал свой текст в 1115 г. Этот текст исследователь называет первой, “авторской” редакцией ПВЛ. В такой атрибуции много спорного. Убежденность Алешковского в авторстве Нестора основывается на малодостоверной поздней традиции. С другой стороны, понятие “авторской” редакции ПВЛ оказывается слишком расплывчатым, раздваиваясь между “авторским” текстом 1091 г. и “авторским” же текстом 1115 г., отношения между которыми остаются непроясненными.

Однако главным в гипотезе Алешковского является все же не эта спорная атрибуция, а сама трактовка текста ПВЛ с начала 1090-х годов по 1115 г. как имеющего в своей основе погодную киево-печерскую летопись, продолжившую летописный свод 1091 г.³ С сохранением шахматовского противопоставления Начального свода и ПВЛ эта идея Алешковского была использована нами в [14] применительно к истории новгородского летописания; в новейшей работе о редакциях ПВЛ ее развивает А. Тимберлейк [15], точка зрения которого на данную проблему нам особенно близка.

Согласно Тимберлейку, более ранний слой статей ПВЛ 1090–1110-х годов (по статье 1112 г.) принадлежит Начальному своду и его анналистическому продолжению, а более поздний – первой (в представлении Тимберлейка – единственной) редакции ПВЛ. Промономаховская тенденция этого второго слоя хорошо согласуется со счетом лет “до смерти Святополчи” в статье 6360 г., что позволяет датировать создание ПВЛ периодом между смертью Святополка в апреле 1113 г. и появлением записи Сильвестра в 1116 г. В этих хронологических рамках датировал первую редакцию ПВЛ и Л. В. Черепнин [16], связавший создание в Киево-Печерском монастыре нового летописного свода с перенесением мощей Бориса и Глеба в 1115 г.

Такая трактовка соотношения текстов представляет собой, на наш взгляд, яркий (и редкий в историографии начального летописания) пример преемственности научных идей, осуществляемой путем критического развития исходной гипотезы и приводящей к непротиворечивому решению проблемы. Опираясь на шахматовское противопоставление Начального свода 1090-х годов и ПВЛ как свода 1110-х годов, она освобождает ядро этой гипотезы от ряда искусственно усложняющих ее допущений, к которым сам Шахматов вынужден был прибегнуть, не учитывая принципиальной двойственности летописного процесса.

Передатировка создания ПВЛ первыми годами княжения в Киеве Владимира Мономаха неизбежно сказывается и на оценке роли Сильвестра в истории текста памятника. С ней, однако, дело обстоит сложнее, чем может показаться.

³ Заметим, что “Печерскую летопись” за этот период упоминал в своих ранних работах и Шахматов, высказываясь, впрочем, довольно неопределенно о характере этого текста и его отношении к Начальному своду [2. С. 89–98; 146–174].

Отнесение к исходному виду ПВЛ черт, которые в рамках гипотезы Шахматова конституировали ее вторую редакцию (т. е. в первую очередь промонаховской тенденции текста), казалось бы, автоматически низводит Сильвестра до роли простого копииста. По мнению Тимберлейка, Сильвестр в 1116 г. только переписал текст ПВЛ, ничего к нему не добавив, кроме собственной записи, и лишь сократив некоторые пассажи.

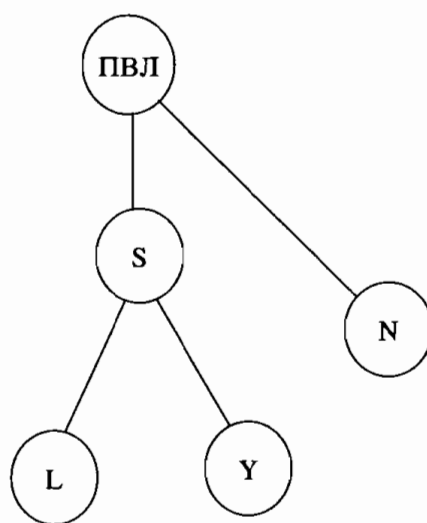
Следует, однако, иметь виду и альтернативную возможность, состоящую в том, что рукопись Сильвестра представляла собой оригинал ПВЛ. Мысль о том, что ПВЛ как свод 1110-х годов является трудом Сильвестра, неоднократно высказывалась в историографии XIX в.; в последние десятилетия сторонником ее выступил А.Г. Кузьмин [7. С. 155–183], предполагающий тождество Сильвестра с “учеником Феодосия”, говорящим о себе в статьях 1051 и 1091 гг. Обсуждавшиеся в литературе содержательные препятствия к тому, чтобы считать Сильвестра составителем и, отчасти, автором ПВЛ (а они, как известно, сводятся к тому что Сильвестр – не “печерянин”), вовсе не являются непреодолимыми: еще Голубинский [17. С. 771] допускал, что выдубицким игуменом Сильвестр мог стать из монахов Киево-Печерского монастыря. Единственный же действительно принципиальный аргумент против авторства Сильвестра, каким в рамках гипотезы Шахматова была все та же двуслойность текста ПВЛ за конец XI – начало XII в., теряет силу с отнесением первого из этих слоев к анналистическому продолжению Начального свода – Печерской летописи. В этой ситуации взгляд на Сильвестра как на составителя ПВЛ оказывается наиболее экономным объяснением, и бремя аргументации ложится на тех, кто желает доказать обратное: что выдубицкий игумен был всего лишь переписчиком чужого труда.

В собственно текстологическом аспекте решение данного вопроса во многом зависит от атрибуции текста Начальной летописи, не входящего в число основных списков ПВЛ. Мы имеем в виду текст Н1Л младшего извода с 6553 по 6582 г. Как и в ее начальной части, до 6524 г., Н1Л на данном участке передает Начальную летопись не в выдержках, а в полном объеме, что дало основание Шахматову предполагать использование в обоих случаях одного источника – киевского Начального свода. Однако, если соотношение текстов в части до 6524 г. позволяет с уверенностью говорить об отражении в Н1Л Начального свода, то в отношении статей 6553–6582 гг. этого сказать нельзя. За исключением рассказа статьи 6559 г. об основании Печерского монастыря текст Н1Л на данном участке полностью включает в себя текст ПВЛ (распространяя его до 6558 г. известиями местного происхождения), и квалификация его источника как Начального свода означала бы, что составитель ПВЛ не внес ничего от себя в описание еще вполне актуальных в его эпоху событий полувековой давности. Это маловероятно, учитывая масштабы его редакторского вмешательства в других частях ПВЛ. С другой стороны, появление данного фрагмента в составе Н1Л было убедительно отнесено М.Х. Алешковским к этапу более позднему, чем тот, на котором в Новгороде (около 1115 г., в своде Мстислава) был использован Начальный свод. Эта редакция была связана нами с составлением архиепископского свода конца 1160-х годов [14. С. 45–48]. Тот факт, что при составлении включенного в этот свод списка киевских князей был использован текст библейского Введения ПВЛ, отсутствовавшего в Начальном своде, позволяет думать, что из ПВЛ был заимствован и текст статей 6553–6582 гг. [14. С. 56]. Как явствует из анализа разночтений, использованный список памятника не мог принадлежать ни к лаврентьевской, ни к ипатьевской группам; при этом он сохранил несколько бесспорно первоначальных чтений, которым соответствуют

вторичные чтения, общие для всех полных списков ПВЛ⁴. Это означает, что источник данного отрезка Н1Л не просто отражал “третью ветвь” списков ПВЛ (ср. [19. С. 29]), но восходил к оригиналу памятника, минуя общий архетип ипатьевской и лаврентьевской групп.

Что же касается рукописи Сильвестра, то в ней, теоретически, можно видеть и оригинал ПВЛ, и восходящий к нему архетип ипатьевской и лаврентьевской групп, и архетип одной лишь лаврентьевской группы. Наиболее вероятной нам представляется вторая возможность. Видеть в Сильвестре автора ПВЛ мешают два уже неоднократно отмечавшихся обстоятельства: общий характер его записи, более напоминающей колофон писца, чем форму манифестации авторства, и явно восходящая к архетипу ипатьевской и лаврентьевской групп атрибуция текста перу “черноризца Федосьева монастыря Печерского”. С другой стороны, видя в Сильвестре писца архетипа лаврентьевской группы (у которой, несомненно, имелся более поздний архетип в виде одного из владимирских летописных сводов второй половины XII в.), необходимо считать, что он списывал не с оригинала ПВЛ, а с некоего успешшего появиться до 1116 г. промежуточного списка, определить статус которого не представляется возможным. Естественнее полагать, что выдубицкий игумен копировал непосредственно оригинал печерского летописного свода, отождествляя его список с архетипом всех шести полных списков ПВЛ. Такое понимание дела отражает схема 1.

Схема 1

ПВЛ – оригинал “Повести временных лет” 1113–1116 гг.; S – список Сильвестра 1116 г.; L – архетип лаврентьевской группы; Y – архетип ипатьевской группы; N – новгородский владычный свод конца 1160-х годов (статьи 6553–6582 гг. Н1Л младшего извода)

⁴ См.: [9. С. 154]. Важнейшее из таких чтений – “и князя их яша Шаракана” под 6576 г. [18. С. 190], чему во всех полных списках ПВЛ соответствует ошибочное “а князя их яша руками”. Не столь очевидное, но тем не менее очень важное разночтение того же типа имеется в “завещании Ярослава” под 6562 г., где в Н1Л читаем: “не преступати брату в предѣлъ братинь” [18. С. 182], тогда как в других списках ПВЛ: “предѣла братня”. Первоначальность чтения Н1Л подтверждается его большей близостью к формулировке данного положения во Введении ПВЛ, где также представлена форма вин. падежа с предлогом: “въ жребии братень” [3. Т. 1. С. 5]. Поясним, что согласно гипотезе, обосновываемой нами в [10], краткое космографическое Введение, открывавшееся рассказом о сыновьях Ноя, имелось уже в летописном своде 1072 г., было опущено составителем Начального свода и впоследствии, в расширенном виде, восстановлено в ПВЛ.

Легко заметить, что эта схема, из которой мы, как из рабочей гипотезы, будем исходить в дальнейшем анализе, в принципе позволяет видеть в рукописи Сильвестра не простую копию, а особую редакцию ПВЛ. Подчеркнем поэтому, что в отличие от Шахматова, мы не видим текстологической (равно как и исторической) необходимости считать ее таковой⁵. Тем не менее нельзя исключить, что в процессе переписки печерского оригинала ПВЛ Сильвестр все же внес какие-то добавления в текст⁶. Этот элемент неопределенности следует иметь в виду, переходя к центральному в проблематике настоящей статьи вопросу: существовала ли “третья редакция” ПВЛ?

Суть гипотезы Шахматова о третьей редакции ПВЛ заключается в утверждении, что эпоха начального древнерусского летописания, т. е. период активного становления текста ПВЛ, не закончилась в 1116 г. с появлением рукописи Сильвестра, но продолжилась до 1118 г., когда “сильвестровский” текст ПВЛ подвергся новой переработке. Эта редактура, по Шахматову, непосредственно отразилась в летописях ипатьевской группы, а частично, вследствие вторичного взаимодействия между редакциями, – также и в лаврентьевской группе списков.

Представляя собой, по Шахматову, последнюю из древнекиевских “оболочек”, заключающих в себе многослойный текст Начальной летописи, редакция 1118 г. оказывается тем самым и первой проблемой, с которой сталкивается исследователь, начинающий разбирать шахматовское построение “с конца”, в порядке, обратном хронологическому. Можно сказать, что именно здесь проходит водораздел, отделяющий историю сложения текста ПВЛ от истории его бытования в рукописной традиции. Проблема “третьей редакции” ПВЛ – это, по существу, проблема соотношения ее лаврентьевского и ипатьевского текстов.

Как и концепция Шахматова в целом, данное ее звено было неоднозначно воспринято последующей историографией. В зависимости от принятия или непринятия основного тезиса об отражении в Ипатьевской летописи “пост-сильвестровской” редакции 1118 г., высказанные мнения разбиваются на два русла.

Одно из них, образуемое голосами сторонников этого тезиса, внутренне неоднородно, разделяясь на несколько потоков. Первый составляют выска-

⁵ Для Шахматова основанием предполагать значительную переработку Сильвестром первой редакции были, помимо уже упоминавшейся двуслойности текста ПВЛ за конец XI – начало XII в., сведения Киево-Печерского патерика, в которых Шахматов видел отражение несохранившегося текста Нестора. Необоснованность такой трактовки данных Патерика убедительно продемонстрирована В.Н. Русиновым [20].

⁶ Подозревать в таком происхождении можно, например, известие статьи 6604 г. о сожжении половцами княжеского двора на Выдубичах, вклинившееся в патетическое завершение рассказа о нападении половцев на Печерский монастырь: “...и ина словеса хулная гла(гла)ху на с(вя)ты иконы, насмихающеся, не вѣдуще, яко Б(ог)ъ кажетъ рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено в горну: х(ре)с(т)ьяномъ бо многими скорбми и напастми внити в ц(ѣ)с(а)рство н(е)б(е)сное, а симъ поганым и ругателем на семь свѣтъ приимши веселье и просторонство, а на ономъ свѣтъ приимуть м(у)ку, с дьяволом оуготовании огню вѣчному. Тогда же зажгоша дворъ красныи, егоже поставилъ бл(а)говѣрныи князь Всеволодъ на холму нарѣцаемъ Выдобычи, то все оканнии Половци запалиша огнемъ. Тѣмже и мы послѣдующе пр(о)р(о)ку Д(а)в(ы)ду вопьемъ: Г(осподи), Б(ож)е мои! положи [я], яко коло, яко огонь пред лицемъ вѣтру, иже поपालетъ дубравы, тако пожениши я бурю твою, исполни лица ихъ дасаженья. Се бо оскверниша и пожгоша с(вя)тыи дом твои и манастирь М(а)т(е)ре твоя и трупе рабъ твоихъ” [3. Т. 1. С. 233–234].

зывания исследователей, принимающих шахматовскую гипотезу о “третьей редакции” в единстве составляющих ее основных положений. Такое “ортодоксальное” развитие гипотеза А.А. Шахматова получила в трудах М.Д. Приселкова [21: С. 80–84], Д.С. Лихачева [22. С. 125] и Л.В. Черепнина [16. С. 318–321].

“Неортодоксальное” усвоение шахматовской гипотезы представлено в работах Б.А. Рыбакова [23] и М.Х. Алешковского [12], принимающих идею “постсилвестровской” редакции со следующей принципиальной поправкой: утверждается, что к этой редакции полностью восходит не только ипатьевский, но и лаврентьевский текст ПВЛ, при этом последний трактуется как простое сокращение “полного” ипатьевского текста. Поскольку при таком подходе “постсилвестровским” может быть признано любое известие ПВЛ, общий объем изменений, внесенных в текст ПВЛ на данном этапе, оказывается в изображении обоих исследователей во много раз большим, чем в исходной гипотезе А.А. Шахматова. Неудивительно, что в понимании того, в чем конкретно заключалась и какие цели преследовала эта редакция, Б.А. Рыбаков и М.Х. Алешковский диаметрально разошлись. В колоритном изображении Рыбакова заказчик редакции Мстислав Владимирович предстает как безжалостный разрушитель первоначального текста Нестора, вымарывавший из него целые пласты, проводя “грубую и навязчивую новгородско-варяжскую тенденцию”. «Мстислав не уничтожил Нестора, но искалечил его; он поступил с его “Повестью” так, как поступали крестоносцы в завоеванном Константинополе с языческими статуями» [23. С. 299]. М.Х. Алешковский, напротив, рисует привлекательный образ “редактора Василия” – любознательного путешественника и начитанного книжника, придавшего ПВЛ известный нам вид, значительно распространив текст первой, Несторовой редакции.

Расширенное понимание Рыбаковым и Алешковским третьей редакции ПВЛ (Алешковский называет ее просто “редакторским текстом” и датирует 1119 г.), развивая, казалось бы, шахматовскую гипотезу, по существу лишает ее главной текстологической опоры. О существовании редакции 1118 г. Шахматов заключил в первую очередь на основании различий между лаврентьевским и ипатьевским текстом. Взгляд на лаврентьевский текст как результат сокращения ипатьевского, обесценивает эти наблюдения. Парадоксальным образом, чем больший объем текста ПВЛ относится исследователями к “третьей редакции”, тем меньше остается реальных оснований считать, что такая редакция действительно существовала.

Особое преломление идея “постсилвестровской” обработки ПВЛ нашла в работе А.Г. Кузьмина [7]. Признавая возможным существование редакции 1118 г., исследователь полагал, что формирование текста ПВЛ на этом не закончилось, но продолжалось еще несколько десятилетий. В общем для всех списков тексте ПВЛ А.Г. Кузьмин различал известия, записанные уже после смерти Владимира Мономаха (умершего в 1125 г.), в 1130-х годов при Мстиславе и еще позже, при Ярополке Владимировиче и Изяславе Мстиславиче. Однако, как неоднократно отмечалось (см., например, [24. С. 22–24]), подобные атрибуции основываются в работе А.Г. Кузьмина исключительно на общих соображениях о возможной связи той или иной группы известий с тем или иным князем, реальных же свидетельств переработки общего для ипатьевского и лаврентьевского “изводов” текста ПВЛ после 1118 г. им приведено не бы-

ло⁷. Методологически несостоятельной нужно признать и попытку А.Л. Никитина [25. С. 358] обосновать наличие в основном тексте ПВЛ фрагментов, включенных в нее в летописных сводах второй половины и конца XII в., вплоть до Киевского свода 1198/1199 г.⁸

Если только что охарактеризованная точка зрения занимает, так сказать, крайне “левое” положение на шкале рецепции шахматовской гипотезы о третьей редакции ПВЛ, то представителями “правого”, консервативного крыла научного сообщества в оценке этой гипотезы выступают скептики, не принимающие данного звена построения Шахматова как текстологически не доказанного и, следовательно, излишнего. По их мнению, реальных оснований говорить о переработке текста ПВЛ после 1116 г. нет.

Свое наиболее последовательное выражение данное направление нашло в известной работе Л. Мюллера [26; 27]. Последовательно разобрав доводы Шахматова в пользу существования третьей редакции ПВЛ, Л. Мюллер признал все их несостоятельными и предложил альтернативную шахматовской, значительно более простую стемму, в которой третья редакция ПВЛ отсутствует, а ипатьевская и лаврентьевская группы представляют собой полностью независимые друг от друга ветви традиции, восходящие к общему архетипу и через него – к рукописи Сильвестра 1116 г.

Каких-либо текстологических возражений на аргументацию Л. Мюллера после появления его работы, насколько мне известно, не последовало. Более того, недавно точка зрения немецкого ученого была поддержана О.В. Твороговым [28] и, независимо от него, А. Тимберлейком [15. С. 198–199]. В.Н. Русинов [4. С. 146], хотя и считает ипатьевский текст ПВЛ отражающим ее более позднюю, по сравнению с “лаврентьевской”, редакцию, видит в этой редакции всего лишь продолжение автором ПВЛ своего труда, прерванного на описании событий 1110 г. Таким образом, на сегодняшний день баланс мнений исследователей, специально занимающихся вопросами текстологии начального киевского летописания, складывается определенно не в пользу шахматовской гипотезы о третьей редакции ПВЛ. В этих условиях всякое продолжение разговора об этой редакции предполагает в качестве необходимого условия разбор аргументов, выдвинутых против данной гипотезы.

Начнем с того, что в критике этой гипотезы представляется справедливым. Реконструируя третью редакцию ПВЛ, Шахматов исходил из того, что первая и вторая редакции заканчивались статьей 6618 г., до начала известного рассужде-

⁷ Единственный пример, который при желании мог бы быть истолкован таким образом, при ближайшем рассмотрении оказывается мнимым. А.Г. Кузьмин обратил внимание на то, что панегирик Владимиру Мономаху в статье 6605 г. выдержан в формах прошедшего времени, перекликаясь с некрологом в статье 6633 г., и заключил на этом основании, что не только панегирик, но и все повествование об ослеплении Василька Теребовльского, в которое он входит, было вставлено в летопись уже после 1125 г. [7. С. 79–80]. Дело, однако, в том, что текст панегирика цитируется Кузьминым по Лаврентьевской летописи; между тем в Ипатьевской вместо начального “Володимиръ бо такъ быше любезнивъ” [3. Т. 1. С. 265] читается “Володимиръ же такъ естъ любезнивъ” [3. Т. 2. С. 238], что прямо свидетельствует о создании текста при жизни Мономаха.

⁸ Доказательством этого служит для А.Л. Никитина то обстоятельство, что ряд встречающихся в ПВЛ “вводных синтагм” вроде хронологических формул “въ то же лѣто” и им подобных, прослеживаются в Ипатьевской летописи до 1170–1180-х годов, после чего исчезают. Почему это должно свидетельствовать о редактировании в эти годы текста ПВЛ, совершенно непонятно.

ния об ангелах, фрагмент которого читается в списках лаврентьевской группы перед записью Сильвестра. Наличие в списках ипатьевской группы продолжения этого рассуждения и текста статей 6619 и последующих годов само по себе воспринималось Шахматовым как свидетельство существования “еще одной древней редакции” ПВЛ. При этом начало рассуждения об ангелах в списках второй редакции Шахматов вынужден был объяснять вторичным влиянием со стороны третьей редакции [3. С. 529].

Вслед за В.М. Истриным [29. С. 247] Л. Мюллер отметил крайнюю уязвимость этого положения Шахматова. С одной стороны, “не очень вероятно, чтобы летописец оборвал изложение пятью годами ранее момента завершения своего труда” [27. С. 166]. С другой стороны, незавершенность рассуждения об ангелах в списках, содержащих приписку Сильвестра, естественно объяснять тем, что “конец ПВЛ был утрачен в общем протографе списков Л, Р, А; приписка Сильвестра могла находиться на обложке книги или на первом листе, следующем после пропуска в тексте... Не только возможно, но и в высшей степени вероятно, что редакция Сильвестра, не останавливаясь на внезапном конце списков Л, Р, А, была продолжена вплоть до 1115 г. или 1116 г.” [27. С. 166–167]. Присоединяясь к этой точке зрения, заметим, что она косвенным образом подтверждается показаниями Н1Л. Последняя, как мы считаем вслед за М.Х. Алешковским, имеет в своей основе Начальный свод с его анналистическим продолжением. Данные лингвотекстологического анализа Синодального списка Н1Л позволяют считать последним известием, заимствованным из этого источника, запись о смерти Святослава под 6622 (1114) г. [30. С. 208–209] Поскольку это известие читается и в ПВЛ, оно должно восходить к ее оригиналу, основанному на том же источнике, что и Н1Л. Этот оригинал, следовательно, не заканчивался на статье 6618 г.

Вторым аргументом Шахматова в пользу существования третьей редакции ПВЛ и основанием для датировки этой редакции 1118 г. была отмеченная ученым смена стиля в Ипатьевской летописи после 1117 (6625) г. “Начиная со следующего 6626 г. видим в списках Ипатьевском, Хлебниковском иные приемы летописания: изложение становится сухим и кратким; под 6626–6630 гг. находим незначительные по объему статьи, составленные из сжатых и отрывочных известий” [2. С. 530]. Л. Мюллер не признает этого аргумента, считая смену стиля недоказанной. А. Тимберлейк [15. С. 200] заметил, что смена стиля, если и имеет место, не обязательно свидетельствует о составлении новой редакции – она может обуславливаться сменой летописца, перерывом в ведении летописи и т.д.

Соглашаясь с последним утверждением, мы склонны тем не менее считать статью 6625 г. важным рубежом в Ипатьевской летописи. И дело не столько в смене стиля, сколько в специфической композиции статьи, включающей известия о событиях сразу нескольких лет. Приведем окончание статьи 6625 г. вместе с двумя последующими статьями:

[В лѣто 6625] ... В се же лѣто потрясѣся земля сѣмтября въ двадѣцать шестыи. Того же лѣта въведе Глѣба из Мѣньска Володимѣрь и ц(е)рк(о)въ положи на Лытѣ мученику. Володимѣрь же посла с(ы)на Романа во Володимѣрь княжить. Того же лѣта оумре куръ Олексии и взя ц(ѣ)сарство с(ы)нъ его Иванъ.

В лѣто 6626. Выбѣже Ярославъ С(вя)тополчичъ из Володимера Оугры, и бояре его и отступиша от него. Оу се же лѣто преставися Романъ Володимер-

ричь генваря въ шести, и посла Володимеръ другаго с(ы)на Андрѣя оу Володимеръ княжить.

В лѣто 6627. Володимеръ взя Менескъ оу Глѣба оу Всеславича, самого приведе Кыеву. Томъ же лѣтѣ преставися Глѣбъ в Киевѣ Всеславичъ септября въ 13 [3. Т. 2. С. 285].

Император Алексей Комнин умер 15 августа 1118 г., и включение известия о его смерти в статью 6625 г. является несомненным анахронизмом. Развивая это наблюдение Шахматова, М.Х. Алешковский заметил, что к 1118 г. относится и сообщение о вокняжении Романа во Владимире, а вывод Владимиром Глеба из Минска имел место и вовсе в 1119 г. Присутствие записей за 1118 и 1119 г. в статье 6625 г. исследователь объясняет тем, что эта статья была написана ретроспективно в 1119 г. Статья же 6626 г., в которой, как считает Алешковский, информация о вокняжении Романа дублируется, была, по мысли исследователя, составлена киевским летописцем в то время, когда в его распоряжении еще не было “редакторского” текста 1119 г. с припиской к статье 1117 г. о вокняжении Романа (см. [12. С. 111–112]).

Последнее утверждение основано на недоразумении: в статье 6626 г. говорится не о вокняжении Романа, а о его смерти, таким образом дублировка между данной статьей и статьей 6625 г. отсутствует. В расположении известий о Романе имеется между тем очевидное противоречие: сообщение о его вокняжении во Владимире читается в конце статьи 6625 г., тогда как известие о предшествовавшем этому событию бегстве из Владимира Ярослава Святополчича открывает статью 6626 г. Важно и другое: известие о вокняжении Романа, вводимое с помощью частицы *же*, предполагающей смену субъекта действия, синтаксически не стыкуется с предшествующим сообщением, в котором действующим лицом также является Владимир Мономах. Данное обстоятельство не прошло мимо внимания Шахматова, сделавшего к этому месту примечание: “Перед Володимеръ же, по-видимому, опущено известие, касавшееся Ярослава Святополчича, ср. Воскр. под 6626 г., Л. (Сузд.) под 6627 г.” [2. С. 936]. Текст Воскресенской летописи, на которую ссылается Шахматов, действительно проясняет ситуацию. Приведем его, выделив текст, отсутствующий в Ипатьевской летописи курсивом:

(6625)В се же лѣто потрясея земля септеврия 16.

В лѣто 6626. *Ярославецъ Святополчичъ отсла от себе жену свою, дщерь Мстиславлю, внуку Володимерю. Володимеръ же слышавъ се и совокупивоя поиде на нѣ; и выбѣже Ярославъ Святополчич из Володимеря в Угры, и бояре его отступиша от него. Володимеръ же посла въ Володимеръ сына своего Романа, он же преставися ту того же лѣта генуаря 6. И посла к ним Володимеръ другаго сына своего Андрѣя.*

В лѣто 6627. Преставися царь Греческий Алексии, и по нем прея царство сынъ его Иоанъ. А Володимеръ того же лѣта взя Менескъ у Глѣба Всеславича, а самого приведе къ Киеву. Онъ же ту и преставися септября 13 [3. Т. 7. С. 24].

Аутентичность изложения владимирского эпизода в Воскресенской летописи не вызывает сомнений и текстологически объяснима. Тот же текст читается и Московском летописном своде XV в. [3. Т. 31. С. 28], а также в Ермолинской летописи [3. Т. 23. С. 29–30], общим протографом которых был Московский летописный свод 1479 г. Среди источников последнего была южнорусская летопись, близкая к Ипатьевской, но не тождественная ей (см. [31. С. 263–266; 32.

С. 152–153]). К ней, очевидно, и восходит более исправный, чем в Ипатьевской летописи, текст рассматриваемых статей⁹.

Однако объяснить соотношение текстов одним лишь пропуском в Ипатьевской летописи, как это сделал Шахматов, не получается: остается непонятным, как непосредственное продолжение пропущенного фрагмента могло оказаться в Ипат. в начале статьи 6626 г. Остается предположить, что известие о вокняжении Романа во Владимире вместе с продолжавшей его записью о смерти императора Алексея было в протографе Ипатьевской летописи каким-то образом вырвано из контекста статьи 6626 г., в которой оно читалось в общем источнике этого протографа и свода 1479 г., и переписано вместе с окончанием статьи 6625 г., тогда как предшествующий ему текст оказался пропущен¹⁰.

Столь нетривиальная ошибка переписчика могла, как представляется, произойти только в одном случае: если в оригинале, с которого списывал писец, расположение статей 6625 и 6626 г. было кодикологически аномальным, а именно, если две статьи были записаны одна под другой в два столбца, таким образом, что начало второго столбца статьи 6626 г. (он должен был начинаться словами “Володимеръ же посъла сына Романа...”)⁹ зрительно сливалось с окончанием статьи 6625 г., точнее, с припиской к этой статье, сообщающей о низложении Владимиром Глеба и строительстве церкви на Альте (первоначально статья заканчивалась, очевидно, известием о землетрясении 26 сентября). Такое аномальное расположение текста было возможно, если статья 6625 г. создавалась как заключительная: в таком случае, как это часто делалось, окончание текста могло быть записано в два столбца одинаковой высоты, не достигавшие конца страницы. Запись о низложении Глеба могла быть изолированной припиской, сделанной в продолжении второго столбца. Когда же летопись получила продолжение, открывавшую его статью 6626 г. естественно было, как и предыдущую, записать в два столбца на оставшейся свободной части страницы. В результате фраза “Володимеръ же посла сына Романа...”, начало которой –

⁹ Этого не признает Т. Вилкул [33. С. 31], замечая: “в Воскресенской летописи и Московском летописном своде конца XV в. – компиляция, восходящая к Ипат., Н1Л и Лавр.”. Можно согласиться с тем, что датировка 6627 г. известия о смерти императора Алексея отражает использование источника типа Лавр, – такой источник у Свода 1479 г. действительно был. При чем здесь Н1Л, вообще не упоминающая этих событий, – непонятно. Очевидно также, что из названных источников невозможно было извлечь сведений об обстоятельствах, предшествовавших бегству Ярослава Святополчича из Владимира. Можно, конечно, отнести эти сведения за счет творчества составителей “поздних сводов”, что всегда готова допустить Т.Л. Вилкул; но никаких оснований для этого текст не дает. Ср., напротив, яркую параллель, которую указанная в Воскресенской летописи причина конфликта находит в новгородской берестяной грамоте № 705 (кон. XII в.). Автор грамоты, Домажир, предлагает адресату, Якову, в случае, если тому “не угодна” его жена (сестра автора), отослать ее обратно к родственникам (“оче е тебе не годена, а попроводи ко мене сестру” [34. С. 402]).

¹⁰ В свою очередь составитель свода 1479 г. отступил от своего южнорусского источника, перенеся (возможно, ориентируясь на источник типа Лавр.) под 6627 г. известие о смерти императора Алексея. Исходный же текст статьи 6626 г. предположительно реконструируется в следующем виде. “*В лѣто 6626. Ярославъ Святополчичъ отъсѣла отъ себе жену свою, дѣщеръ Мьстиславлю, вѣнуку Володимерю. Володимеръ же слышавъ се и съвѣкупи воя, поиде на нь; и выбѣже Ярославъ Святопѣлчичъ из Володимера Оугры, и бояре его отъступиша от него. Володимеръ же посъла сына Романа въ Володимеръ княжитъ. Того же лѣта умре куръ Олексий, и вѣзя ц(с)ръство сынъ его Иванъ. Въ се же лѣто прѣставися Романъ Володимеричъ генваря въ шестий, и посъла Володимеръ другаго сына Андрѣя въ Володимеръ княжитъ”.

что весьма показательно – приходится почти точно на середину реконструируемого текста статьи (см. выше прим. 10), могла оказаться в начале ее второго столбца.

Эта кодикологическая реконструкция, разумеется, – не более чем догадка, однако факты, на которых она основывается, не могут игнорироваться при обсуждении рассматриваемой проблемы. Вопреки критикам Шахматова, мы можем утверждать, что между статьями 6625 и 6626 гг. в Ипатьевской летописи пролегает ощутимый рубеж, который не может быть объяснен одной только сменой летописца или перерывом в ведении летописи. Фиксируемый на этом рубеже сбой в изложении, хотя сам по себе и не доказывает существования редакции 1118 г., хорошо согласуется с этим предположением.

Ключевая роль в обосновании Шахматовым гипотезы о третьей редакции ПВЛ принадлежит двум пассажирам в статьях 6604 (1096) и 6622 (1114) гг., в которых летописец, говоря от первого лица, сообщает о чудесных явлениях, наблюдавшихся в северных землях, и сопровождает свидетельства очевидцев собственным комментарием, основанным на литературных источниках: “Откровении Мефодия Патарского” в первом случае и Хронографе во втором. В статье 1096 г. упоминается разговор с новгородцем Гюрятой Роговичем, состоявшийся “преже сихъ 4-ми лѣтъ”¹¹, то есть, очевидно, за четыре года до момента работы летописца. В статье 1114 г. летописец, в связи со строительством в этом году крепости в Ладоге, упоминает о своей поездке в Ладогу и пересказывает слышанные им от ладожан удивительные истории.

Выстраивая свою гипотезу, Шахматов исходит из того, что:

- 1) оба фрагмента принадлежат перу одного летописца;
- 2) поездка летописца в Ладогу имела место в 1114 г.;
- 3) разговор летописца с Гюрятой Роговичем произошел в том же 1114 г.

Отсюда логически вытекает датировка работы летописца 1118 г., отделенным от 1114 г. теми самыми четырьмя годами, о которых рассказчик упоминает, передавая разговор с Гюрятой под 1096 г. С другой стороны, Шахматов сопоставляет ладожские мотивы статьи 1114 г. с читаемой в Ипатьевской летописи версией рассказа о Рюрике, согласно которой Рюрик сначала садится княжить в Ладоге и лишь затем основывает Новгород, и заключает, что данная версия сюжета также появилась в третьей редакции ПВЛ и что источником информации летописца послужили рассказы, слышанные им в Ладоге в 1114 г.

Это построение, безусловно, – одно из наиболее изящных в историографии начального киевского летописания. Тем не менее, по мнению Л. Мюллера, разделяемому О.В. Твороговым, А. Тимберлейком, В.Н. Русиновым и другими авторами, проводимые Шахматовым связи являются мнимыми и ничего не доказывают. Л. Мюллер обращает внимание на следующее:

- 1) “ладожская” версия рассказа о призвании князей читается не только в списках ипатьевской группы, но также в Радзивилловской и Московско-Акаде-

¹¹ Именно так, на наш взгляд, следует раскрывать сокращенную запись “пре^ж си^х. ѿ лѣ^т” в Лаврентьевской летописи. Часто встречающееся в литературе прочтение “преже сихъ четырехъ лѣтъ”, опирающееся на чтение Ипатьевского (ѿд-хъ лѣтъ) и, особенно, Хлебниковского (ѿд-хъ лѣтъ), синтаксически бессмысленно. Параллель к предлагаемому нами чтению этого места представляет начало Сказания о Борисе и Глебе: “Се оубо бысть *малѣмъ* преже сихъ” [35. С. 43], т.е. ‘незадолго до настоящего времени’.

мической летописях, восходящих к общему с Лавр. архетипу; поэтому, считает Мюллер, текстологическая первичность этой версии вне всякого сомнения;

2) рассказ Гюраты, помещенный под 1096 г., читается во всех списках ПВЛ. Предположение Шахматова о проникновении этого рассказа в списки лаврентьевской группы путем вторичного влияния со стороны третьей редакции делает его построение “сложным до абсурда и неправдоподобным до невозможного” [27. С. 172];

3) статья 1114 г., которую Шахматов считал (как и весь текст после 1110 г.) появившейся лишь в третьей редакции, вероятнее всего, читалась уже в рукописи Сильвестра; с другой стороны, нет никаких оснований считать, что записанные под этим годом рассказы ладожан автор слышал именно в 1114 г. Связь между ними и помещенным под этим годом сообщением о строительстве крепости в Ладоге, является, считает Мюллер, “чисто ассоциативной” [27. С. 170];

4) ничто не заставляет считать, что рассказ Гюраты, слышанный автором “четырьмя летами прежде сих” был услышан автором на севере в том же 1114 г. вместе с историями ладожан.

Может показаться, что выстроенная Шахматовым конструкция рассыпается от этих контраргументов как карточный домик, обнаруживая свою полную несостоятельность. В действительности это не так.

Начнем с “ладожской” версии рассказа о Рюрике, которую Л. Мюллер уверенно считает первоначальной: как по текстологическим соображениям, так и в силу ее большего исторического правдоподобия.

Утверждая, что “текстологически ладожский вариант стоит вне всяких сомнений”, исследователь исходит из представления об ипатьевской (ИХ) и лаврентьевской (ЛТРА) группах списков как двух совершенно независимых друг от друга ветвях рукописной традиции ПВЛ. В соответствии с таким взглядом (который Л. Мюллер разделяет с С.А. Бугославским [36] и Д. Островским [37. Р. XXXIX]), чтение Лаврентьевской летописи, противопоставленное общему чтению Ипатьевской (ИХ) и Радзивилловской (РА) летописей, автоматически признается вторичным. Претендуя на объективность и текстологическую строгость, такой подход, между тем, как мы показываем в специальной работе [38. С. 73–87], вступает в противоречие с материалом: имеется множество случаев, в которых индивидуальное (в пределах основных списков ПВЛ) чтение Лавр. подтверждается сопоставлением с использованными в ПВЛ источниками (Хроникой Георгия Амартола, Златоструем и др.), обнаруживается в Н1Л (генеалогически не связанной с Лавр.) или же в силу других причин может быть признано первоначальным. Объясняется это тем, что текст ПВЛ в Радзивилловской летописи является контаминированным и на значительном протяжении восходит к архетипу, общему не с Лаврентьевской и Троицкой, а с Ипатьевской летописью. В этих случаях общие чтения Лавр. и Тр. (а при отсутствии текста Тр. – индивидуальные чтения Лавр.) оказываются текстологически равноправными с общими чтениями Радз. и Ипат. летописей¹². К числу таких “ипатьевских фрагментов” Радзивилловской летописи относится и статья 862 г. Это лишает “ладожскую” версию текстологического приоритета, уравнивая ее в правах с версией Лаврентьевской летописи.

¹² О контаминированном характере текста ПВЛ в Радзивилловской летописи пишет в своей рецензии на книгу Л. Мюллера [39] и А.В. Назаренко [40]. В недавней работе Л. Мюллер, согласившись с критикой рецензентов, соответствующим образом модифицирует свою стемму [41].

В Лавр., как известно, название города, в котором сначала сидит князь Рюрик, пропущено, здесь читается: “и придоша, старѣишии Рюрикъ, а другии Синеусъ...”; такой же пропуск имелся и в Троицкой летописи, где слова “сѣде Новѣгородѣ” были, согласно свидетельству Карамзина, вставлены позднее [42. С. 58]. Л. Мюллер полагает, что пропущенным в протографе Лавр. и Тр. было название Ладоги: «Не предполагаемый составитель гипотетической редакции 1118 г. изменил “Новгород” на “Ладога”, но писец общего протографа рукописей Л и Т (t) пропустил упоминание Ладоги в летописной статье 862 г. Очевидно, ему казалось странным, что Рюрик сначала сидел в не имевшей в его (писца) время значения Ладоге; может быть, он хотел удостовериться и поэтому оставил в рукописи пропуск» [27. С. 174]. С таким объяснением можно было бы согласиться, если бы все различие между версиями РАИХ и ЛТ заключалось в отсутствии в последней названия первой резиденции Рюрика. Между тем в ней отсутствует и упоминание об уходе Рюрика к Ильмену и основании им Новгорода, из чего следует, что в Лавр. излагается не “ладожский”, а “новгородский” вариант сюжета, тот же, что и в Н1Л младшего извода. Поскольку непосредственная генеалогическая связь между ЛТ и Н1Л отсутствует, данное совпадение может быть объяснено только путем признания “новгородской” версии первоначальной. Очевидно, как и предполагал Шахматов, эта версия была унаследована ПВЛ от Начального свода 1090-х годов (текст которого отражает Н1Л), тогда как “ладожская” версия представляет собой результат редактуры, произведенной в протографе ипатьевской группы списков и, вследствие контаминированного характера Радзивилловской летописи, отраженной также ею.

Что же касается содержательной убедительности “ладожского” варианта, то и с ней дело обстоит далеко не так просто, как полагает Л. Мюллер. Историческая достоверность – малонадежное подспорье в определении относительной древности вариантов письменного предания об отдаленном прошлом. В конкуренции двух вариантов рассказа о Рюрике Л. Мюллер видит отражение исторического соперничества Ладоги и Новгорода: коль скоро верх в этом состязании одерживает Новгород, “новгородский” вариант, по мысли исследователя, должен был прийти на смену “ладожскому”, а не наоборот. Очевидно, однако, что ко времени, к которому – даже при самой смелой датировке ее началом XI в. – может быть отнесена первая письменная фиксация рассматриваемого сюжета, соперничество Новгорода и Ладоги давно уже разрешилось в пользу первого; с другой стороны, память о пребывании Рюрика в Ладоге безусловно могла и в начале XII в. сохраняться в местном историческом предании, а именно оно, согласно Шахматову, отразилось в Ипатьевской летописи. Представляется, что совершенно прав М. Б. Свердлов [43], видящий в “новгородской” и “ладожской” версиях сюжета не конкурирующие идеологемы, а сосуществовавшие на Руси в XI – начале XII в. разные формы памяти о Рюрике: обобщенной, отливающейся в фольклорных стереотипах, и более конкретной и исторически достоверной. С этой точки зрения замена “новгородской” версии рассказа о Рюрике на “ладожскую” в ипатьевском тексте ПВЛ выглядит вполне закономерной, отражая изменение в характере самой исторической традиции, развивающейся в направлении все большей конкретизации.

От рассказа о Рюрике обратимся к ладожскому сюжету в статье 1114 г. Как считает Л. Мюллер (в чем с ним согласны О.В. Творогов и А. Тимберлейк), помещение рассказов ладожан под 1114 г. ничего не говорит о дате поездки летописца в Ладогу. “Свой рассказ о Ладоге он (летописец – А.Г.) ведет в данном ме-

сте, исходя, очевидно, не из соображений хронологии, но чисто ассоциативно... Самое важное состоит в том, что летописец был в Ладоге, а не в том, когда был: об этом он не говорит нам ничего, и этого мы не знаем" [27. С. 170]. Позволим себе с этим не согласиться. Отсутствие специального указания на время получения информации (фраза "пришедшу ми в Ладогу, повѣдаша ми ладожане..." непосредственно следует за известием о строительстве ладожской крепости) контрастирует с наличием такового в статье 1096 г., в которой время рассказа Гюряты действительно не совпадает с датой, под которой этот рассказ помещен. Логика построения связного текста с обязательностью требует при смене временного плана повествования какого-то контекстного расширения, указывающего на новый временной план. Если бы летописец действительно хотел рассказать о поездке, никак не связанной с событием 1114 г. и имевшей место до него, он построил бы текст иначе (что-то вроде "бывшу ми единою в Ладозѣ..."). Важно и то, что в конце рассказа автор призывает в свидетели "всех ладожан" во главе с посадником Павлом, названным выше в сообщении о строительстве крепости. Все это дает основание согласиться с Шахматовым: в Ладогу летописец действительно ездил в 1114 г. Тем самым остается в силе и следующее совпадение: время рассказа отделяют от рубежного в тексте Ипатьевской летописи 1117 г. те самые четыре года, упоминание о которых вводит рассказ Гюряты под 1096 г.

Считая ладожский рассказ статьи 1114 г. появившимся в редакции 1118 г., Шахматов, как мы помним, относил к этой редакции весь текст ПВЛ, начиная с отсутствующего в Лаврентьевской летописи окончания статьи 6618 (1110) г. Выше мы согласились с В.М. Истриным и Л. Мюллером в том, что статьи 1111–1115 г. должны были читаться уже в списке Сильвестра 1116 г. Если так, то ладожские фрагменты статьи 1114 г. должны представлять собой редакторские добавления к первоначальному тексту, аналогичные по происхождению кратким сообщениям Ипатьевской летописи, дополнительным по отношению к лаврентьевскому тексту ПВЛ. Круг таких сообщений очерчен А. А. Шахматовым [2. С. 552, прим. 2] и включает следующие записи:

1. 6584(1076) – рождение Мстислава Владимировича;
2. 6594(1086) – закладка Всеволодом церкви св. Андрея и основание при ней монастыря, в котором постриглась дочь Всеволода Янка;
3. 6595(1087) – поход Всеволода к Перемышлю;
4. 6606(1098) – закладка Владимиром Мономахом церкви св. Богородицы в Переяславле;
5. 6606(1098) – закладка Владимиром Мономахом города на Острѣ;
6. 6607(1099) – небесное знамение над Владимиром Волынским;
7. 6609(1101) – закладка Владимиром епископской церкви в Смоленске;
8. 6610(1102) – рождение Андрея Владимировича;
9. 6610(1102) – кончина Владислава;
10. 6613(1105) – падение верха церкви св. Андрея;
11. 6613 (1105) – явление кометы на западе;
12. 6613 (1105) – нападение Боняка на Зарубе на торков и берендеев;
13. 6614(1106) – подробности о походе на половцев;
14. 6614(1106) – затмение солнца;
15. 6615(1107) – землетрясение;
16. 6617(1109) – подробности о походе на Дон против половцев;
17. 6618(1110) – нападение половцев на Переяславскую область.

За исключением известия о смерти Владислава под 6610 г., возможно, случайно пропущенного в протографе лаврентьевской группы (в Ипат. оно заключено между двумя формулами “въ се же лѣто”), Шахматов считает эту группу сообщений добавлениями третьей редакции ПВЛ, отмечая, что значительная часть их связана с Владимиром Мономахом. Л. Мюллер по непонятной причине обходит данный вопрос молчанием. В целом разделяющий его точку зрения О.В. Творогов в данном случае занимает компромиссную позицию: ввиду тематической близости большинства указанных известий он соглашается признать их добавлениями протографа ипатьевской группы, отсутствовавшими в рукописи Сильвестра, однако замечает при этом: “Создается впечатление, что дополнения эти – целиком или по большей части – глоссы на полях, впоследствии внесенные в текст. Но их характер не позволяет, как думается, говорить о новой редакции текста” [28. С. 207].

Важное значение для уяснения природы данной группы сообщений имеет запись под 1106 г. о солнечном затмении: “того же лѣта помраченье быс(ть) въ с(о)лнци августа” [3. Т. 2. С. 258]. О том, что эта запись является вставкой, свидетельствует нарушение ею хронологического порядка изложения событий в статье (24 июня – 6 декабря – “август” – 16 февраля). С другой стороны, можно понять, почему вставка была сделана именно в этом месте: в Лаврентьевской летописи его занимает запись: “в то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ к С(вя)тополку” [3. Т.1. С. 281]. Известие о затмении, следовательно, не могло возникнуть как глосса на полях: оно явно вытеснило первоначальное сообщение при переписке текста.

Обращает на себя внимание, что большинство (12 из 15) ипатьевских “дополнений”¹³ сосредоточены в тринадцатилетнем промежутке с 6606 по 6618 г. Поскольку верхняя граница этого интервала совпадает с обрывом текста в списках лаврентьевской группы, мы вправе предполагать (считая этот обрыв следствием утраты листов в протографе группы), что аналогичные дополнения (“глоссы”, по О.В. Творогову) имеются и в последующих статьях Ипатьевской летописи, где их, однако, сложно отличить от основного текста. В одном случае, впрочем, такая возможность имеется.

А.Г. Кузьмин обратил внимание на следы присутствия нескольких разновременных слоев в следующем фрагменте статей 6621 и 6622 г.:

“[6621] Того же лѣта посади (речь идет о Владимире Мономахе. – А.Г.) с(ы)на своего С(вя)тослава в Переяславлѣ, а Вячѣслава у Смоленскѣ. В се же лѣто преставися игуменья Лазорева монастыря, с(вя)та житѣмь, м(ѣ)с(я)ца сентября въ 4 на десять д(е)нь, живши лѣтъ шестьдесятъ в чернечествѣ, а от роженя девяносто лѣтъ и два. В се же лѣто поя Володимеръ за с(ы)на своего Романа Володаревну м(ѣ)с(я)ца сентября въ 1 на десять день. В се же лѣто Мьстиславъ заложи ц(е)рк(о)въ камяну с(вя)т(о)го Николы на княжѣ дворѣ оу торговища Новѣгородѣ. Того же лѣта посади с(ы)на своего Ярополка в Перея-

¹³ Помимо известия о смерти Владислава, мы не включаем в число этих дополнений запись о землетрясении под 6615 г. В отличие от остальных известий данной группы, она имеется в Радзивилловском и Московско-Академическом списках, а также в Н1Л, что дает основание возводить эту запись к анналистическому продолжению Начального свода и предполагать пропуск в Лаврентьевской летописи.

славлѣ. Томъ же лѣтѣ поставиша еп(и)с(ко)па Данила Гургеvu, а Бѣлугороду Никиту.

В лѣт(о) 6622. Преставися С(вя)тославъ с(ы)нъ Володимеръ м(ѣ)с(я)ца марта 16 д(е)нь и положенъ быс(ть) во Переяславлѣ оу ц(е)ркви с(вя)т(о)го Михаила, ту бо о(те)ць ему далъ столъ выведы и и-Смоленьска” [3. Т. 2. С. 276–277].

А.Г. Кузьмин отмечает в этом тексте два противоречия. Во-первых, известие о направлении Ярополка на княжение в Переяславль предшествует сообщению о смерти Святослава, место которого в Переяславле и занял Ярополк¹⁴. Во-вторых, отсутствие подлежащего во фразе “Того же лѣта посади с(ы)на своего Ярополка Переяславлѣ” заставляет понимать текст таким образом, что это Мстислав (о котором идет речь в предыдущей фразе) направил своего сына (!) Ярополка в Переяславль, хотя сделал это, естественно, Владимир Мономах. А.Г. Кузьмин заключает на этом основании, что как известие о Ярополке, так и известие о Мстиславе являются вставками, причем вставка о Ярополке хронологически предшествовала вставке о Мстиславе, разорвавшей связный рассказ о действиях Мономаха. Выделяя в тексте три слоя, исследователь полагает, что “основной текст говорит о том, что вскоре по вокняжении в Киеве Владимир посадил Святослава в Переяславле, а в Смоленск вместо Святослава направил Вячеслава” [7. С. 75]. Выделенные вставки трактуются как отражающие соответственно “проярополковскую” редакцию, относимую Кузьминым к 1120-м годам, и “промстиславовскую”, датируемую еще более поздним временем и связываемую с деятельностью сыновей Мстислава Изяслава и Ростислава.

Справедливой в этом рассуждении представляется квалификация двух известий как вставок и определение относительной последовательности этих вставок. В остальном же согласиться с Кузьминым невозможно. Каких-либо весомых текстологических оснований для предлагаемой поздней датировки обеих вставок исследователь не приводит, и мы не видим ничего, что бы заставляло в атрибуции трех слоев данного фрагмента выходить за пределы первого десятилетия XII в.

В уточнении нуждается и стратификация текста. Образующими его наиболее древний пласт следует, на наш взгляд, признать политически нейтральные сообщения о смерти игуменни Лазарева монастыря, поставлении епископов (6621) и смерти Святослава в Переяславле (6622). В рамках развиваемой нами схемы этот слой может быть отождествлен с анналистическим продолжением Начального свода. Косвенным подтверждением такой атрибуции может служить тот факт, что в основанный на этом источнике новгородский свод 1115 г., отразившийся в НІЛ, из рассматриваемого отрывка вошло лишь известие о смерти Святослава.

Примечательно, что сообщение о смерти Святослава содержит ретроспективное упоминание о переводе его Владимиром в Переяславль из Смоленска. Оно было бы излишним, если бы к моменту записи известия данная информа-

¹⁴ В.А. Кучкин [44. С. 58–59], полагая, что последовательность событий действительно была такой, какой ее описывает летопись, подводит под нее рационалистическое объяснение: Мономах перевел Ярополка в Переяславль, “зная о неизлечимой болезни Святослава”. Не понятно, однако, почему это знание не помешало Мономаху ранее в том же году посадить в Переяславле самого Святослава.

ция содержалась в тексте несколькими строками выше, под 6621 г. Это позволяет признать известия о мероприятиях Владимира Мономаха в 1113 г., которые Кузьмин считает первоначальными, относящимися к тому же слою текста, что и вставное известие о Ярополке; последнее тем самым перестает быть выразителем особой “проярополковой” тенденции, включаясь в ряд однотипных сообщений о перераспределении Мономахом княжеских столов между своими сыновьями. Этот слой текста ничто не мешает отождествлять с появившимся в первые годы княжения Мономаха оригиналом ПВЛ. Обстоятельством, существенным для датировки этого этапа, является присутствие среди вставок известия о переводе Ярополка в Переяславль, следовавшем, очевидно, за смертью Святослава в марте 6622 (1114 г.). Хронологические рамки создания ПВЛ таким образом сужаются до 1114–1116 гг., все теснее сжимаясь вокруг датировки, предложенной Л. В. Черепниным, – 1115 г.

Что же касается известия о строительстве Мстиславом церкви Николы в Новгороде, то оно оказывается одной из тех вставок, существование которых на данном отрезке ПВЛ мы предположили выше. Есть все основания считать эту запись имеющей то же происхождение, что и дополнительные по отношению к лаврентьевскому тексту известия Ипатьевской летописи за конец XI – начало XII в.

Показательно, что вставное происхождение обнаруживает сообщение о деятельности Мстислава Владимировича, с фигурой которого Шахматов связывает появление третьей редакции ПВЛ. Следует полагать, что такими же вставками являются и известия о двух строительных предприятиях Мстислава в статье 6622 г.: “В се же лѣто Мъстиславъ заложи Новъгородъ болии перваго. В се же лѣто заложена бысть Ладога камениемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ, при князѣ Мъстиславѣ” [3. Т. 2. С. 277]. К такому заключению подталкивает и точное совпадение начальных фраз известий 1113 и 1114 гг. (“В се же лѣто Мъстиславъ заложи...”), а также то, что все три известия демонстрируют одинаковое и редкое для Киева знакомство с топографией Новгорода и Ладоги (“на княжѣ дворѣ у Торговища”, “болии перваго”, “на приспѣ”). Но если вставкой является сообщение о закладке ладожской крепости в 1114 г., то и продолжающий его рассказ о чудесных явлениях на севере, записанный со слов ладожан, тем более должен иметь вставное происхождение. Именно это мы и предположили выше.

Важно, что, в отличие от кратких известий о строительных акциях Мстислава, которые можно было бы – в духе О.В. Творогова – трактовать как глоссы на полях протографа ипатьевской группы, пространный рассказ о чудесных явлениях в Ладоге такого объяснения не допускает: появиться на страницах летописи он не мог иначе, как в результате составления новой ее редакции. Гипотеза Шахматова о существовании “еще одной древней редакции” ПВЛ, созданной около 1118 г. и наиболее полно отразившейся в Ипатьевской летописи, получает таким образом сильнейшее подтверждение.

Еще раз подчеркнем отличие развиваемого нами понимания этой редакции от шахматовского: мы считаем, что лежавший в ее основе текст ПВЛ не заканчивался 6618 (1110) г., но был доведен до времени работы Сильвестра; соответственно, дополнения к нему на всем протяжении летописи (за исключением, возможно, статей 6624 и 6625 гг., целиком появившихся в этой редакции) носили характер исправлений и вставок в уже существующий текст.

При таком понимании дела намного более убедительное звучание приобретает и предположение Шахматова [2. С. 553] о создании редакции 1118 г. в кругах, близких к Мстиславу Владимировичу. У самого Шахматова обоснование этого тезиса строится на косвенных исторических аргументах, главный из которых – совпадение предполагаемого времени составления третьей редакции с переводом Мстислава из Новгорода на юг (в Белгород) в 1117 г.; текстуальные же свидетельства причастности Мстислава к составлению редакции 1118 г. ограничиваются ссылкой на известия о нем в статьях 6621–6624 гг. Ипатьевской летописи. Однако, как замечает О.В. Творогов [28. С. 205], “подобными сообщениями о деятельности других князей усеяна летопись, и видеть в этой краткой информации след особого внимания к Мстиславу не приходится”. Данное возражение до сих пор было оправданным постольку, поскольку обсуждаемые известия текстологически не выделялись на фоне окружающих их записей. Теперь же, когда мы знаем, что сообщения о Мстиславе в статьях 6621 и 6622 г. представляют собой вставки в первоначальный текст этих статей, специальный интерес редактора к старшему сыну Мономаха и его деятельности на севере становится очевиден. На этом фоне особое значение приобретает тот факт, что поток дополнительных ипатьевских известий открывает запись о рождении Мстислава Владимировича под 6584 г.¹⁵

Итак, и “ладожская” версия рассказа о Рюрике, и ладожские фрагменты статьи 1114 г., в полном соответствии с гипотезой Шахматова и вопреки возражениям его оппонентов, обнаруживают свою непервоначальность в составе ПВЛ. Их есть все основания относить к тому же текстовому пласту, что и краткие дополнительные известия Ипатьевской летописи, отождествляя этот пласт с “постсилвестровской” редакцией, создание которой Шахматов относит к 1118 г.

Эта датировка, на наш взгляд, нуждается в уточнении. У Шахматова, напомним, она основывается на следующем совпадении: отсчет четырех лет от 1114 г. приводит к 1118 г., к которому относится завершающее рубежную статью 6625 г. известие о смерти императора Алексея (1118 г.). Однако в своей реконструкции текста ПВЛ Шахматов трактует известие о смерти Алексея как позднейшую приписку к статье 6625 г. [2. С. 936]. Выше мы пришли к выводу, что первоначально эта статья сообщала только о событиях 1117 г., а сбой хронологии в Ипатьевской летописи вызван проходившим здесь кодикологическим рубежом, отделявшим завершавшийся данной статьей текст летописного свода от его продолжения в виде погодной летописи. С другой стороны, использование

¹⁵ Для Шахматова значение этого факта было, по-видимому, нейтрализовано тем обстоятельством, что к третьей редакции ПВЛ ученый возводил также известие статьи 6558 г. о рождении Святополка, читаемое только в Синодальном списке Н1Л и плохо вяжущееся с предполагаемым составлением этой редакции в окружении Мстислава Владимировича [2. С. 775]. Разделяемый нами тезис Алешковского, согласно которому Синодальный список Н1Л отражает на данном участке свод Мстислава, использовавший киевский Начальный свод 1090-х годов, снимает это противоречие и ставит все на свои места: присутствие записи о рождении Святополка выглядит столь же естественным в созданном при его жизни Начальном своде, как и исключение ее из составленной после смерти Святополка ПВЛ. Запись же о рождении Мстислава оказывается первым из отдельных известий за XI в., отражающих “постсилвестровскую” редакцию, и как нельзя лучше характеризует тенденцию этой редактур. Заметим, что О. В. Творогов, основываясь, видимо, на шахматовской реконструкции, ошибочно относит известие о рождении Святополка к числу “дополнений” Ипатьевской летописи [28. С. 206].

более свойственного ПВЛ “включающего” счета лет дает при отсчете четырех лет от 1114 г. не 1118 г., а 1117 г. Именно этим годом следует, как представляется, датировать “постсилвестровскую” редакцию¹⁶.

Признав, вслед за Шахматовым, существование этой редакции и отнеся к ней, среди прочего, рассказ Гюряты и комментариев к нему летописца под 6604 (1096) г., мы должны наконец объяснить, каким образом данный пассаж попал в Лаврентьевскую летопись (присутствие его в Радзивилловской летописи проблемы не составляет, так как может объясняться – и, по-видимому, действительно объясняется (см. [38. С. 109–110]) – уже упоминавшейся контаминацией). Этот факт легко объясним в рамках схемы Рыбакова и Алешковского, видевших в Лаврентьевской летописи простое сокращение “редакторского” текста ПВЛ, в полном виде отраженного Ипатьевской. Но данное объяснение для нас неприемлемо: как и Шахматов, отражение “постсилвестровской” редакции мы видим главным образом в специфических известиях ипатьевской группы; рассказ Гюряты в этом отношении стоит особняком. Сам Шахматов объясняет появление его в Лаврентьевской летописи “вторичным влиянием третьей редакции на вторую”, и именно это объяснение, по уже цитировавшейся формулировке Л. Мюллера, делает его построение “сложным до абсурда и неправдоподобным до невозможного”.

Насколько оправдана эта убийственная характеристика? Думается, что она является таковой лишь с точки зрения стеммы, с регулярностью кристаллической решетки исключаяющей всякие формы перекрестного взаимодействия между ветвями рукописной традиции. Между тем, само по себе предположение о частичном обмене информацией между этими ветвями не содержит ничего “абсурдного” и “невозможного”. Важно только понять, где, когда и в какой форме происходило это взаимодействие.

Представляется, что обсуждение данного вопроса в терминах взаимодействия редакций создает несколько искаженное представление о предмете. Противопоставление понятий редакции и списка имеет смысл там, где на фоне механического тиражирования текста в списках появляются новые его переработки, которые и принято называть редакциями. Предполагать активное копирование ПВЛ в первые годы и даже десятилетия после ее появления нет, как кажется, никаких оснований. Восстанавливая историю текста, естественно исходить из минимального количества древних экземпляров, достаточного для объяснения соотношения сохранившихся вариантов. Изложенные выше соображения заставляют предполагать существование трех таких экземпляров. Это: 1) киево-печерский оригинал ПВЛ, созданный в 1113–1116 гг., 2) списанный с него экземпляр Сильвестра 1116 г. – архетип всех полных списков ПВЛ, и 3) созданный в 1117 г. на основе списка Сильвестра экземпляр, к которому восходит ипатьевская группа списков. О.В. Творогов находит, что перевод Мстислава из Новгорода в Белгород в 1117 г. – недостаточное основание для создания новой

¹⁶ М.Х. Алешковский, также используя включающий счет, датирует “редакторский” текст ПВЛ 1119 г., полагая что поездка летописца в Ладогу имела место не в 1114 г., а в 1116 г., под которым сообщение о строительстве ладожской крепости читается в Н1Л. Однако простое соображение, что в Новгороде лучше, чем в Киеве, знали даты местных событий, в данном случае не действует, поскольку здесь именно киевская ПВЛ содержит свидетельство очевидца (летописец сам был в Ладоге и присутствовал при строительстве крепости), тогда как Н1Л, по-видимому, использует киевский летописный источник (см. [30. С. 208–209]). К тому же хронология Н1Л в начале XII в. вообще отличается сбивчивостью [45. С. 220–224].

редакции ПВЛ [27. С. 205]. Но никто, возможно, и не ставил задачи создавать новую редакцию – переведенный из Новгорода Мстислав мог просто пожелать иметь свой экземпляр новой киевской летописи. Со стороны инициатора составления новгородского летописного свода такое желание кажется более чем естественным.

То, что Шахматов называл третьей редакцией ПВЛ, и есть, в нашем представлении, этот “княжеский” или “Мстиславов” экземпляр, созданный на основе выдубицкого экземпляра в 1117 г. и вобравший в себя ряд дополнительных известий и уточнений, включая “ладожскую” версию рассказа о Рюрике и записанные со слов новгородцев и ладожан рассказы о чудесных явлениях на севере, вместе с комментариями к ним.

Появление на страницах княжеской летописи такого яркого литературного материала, как эти рассказы и комментарии, могло вызвать у владельца выдубицкого экземпляра желание пополнить этим материалом собственную летопись. Нужно ли было для этого заново переписывать весь кодекс? Очевидно, нет. Достаточно было лишь переписать нужные фрагменты на отдельных листах и вставить их в соответствующие места кодекса, или же – что требовало несколько больших усилий – заменить одну или несколько тетрадей в конце рукописи на новые, содержащие отредактированный текст, – и “обновление” кодекса было произведено.

“Вторичное влияние третьей редакции на вторую” представляется нам как именно такое “обновление” выдубицкого экземпляра, в результате которого рукопись Сильвестра, сохранив основной состав тетрадей, включила важнейшие из дополнений созданного в 1117 г. княжеского экземпляра ПВЛ. Поскольку 1 января 1118 г. Сильвестр был поставлен переяславским епископом, можно думать, что он редактировал свою рукопись по горячим следам появления княжеского экземпляра, в последние месяцы 1117 г.

Резонно спросить, однако: а правомерно ли предполагать в качестве протографа лаврентьевской группы такой кодикологически неоднородный список? Считаю, что такое допущение является не только необходимым, но и вполне правомочным. Более того, как раз обратное, то есть представление реконструируемых этапов истории текста в виде “стерильных” рукописей со стопроцентно регулярной кодикологической структурой, без приписок на полях, вставных листов и прочих модификаций первоначального текста, вступает в противоречие с картиной, представляемой реально сохранившимися летописными памятниками, и неминуемо влечет за собой искусственное усложнение реконструкции. Достаточно вспомнить, что сама Лаврентьевская летопись обладает очень своеобразной кодикологической структурой, включая несколько вставных листов, написанных особым почерком (см. [48]), а древнейший из дошедших до нас списков русских летописей – Синодальный список Н1Л – и вовсе представляет собой конволют из нескольких разновременных частей, с приплетенными в конце дополнительными листами. Текстологические соображения заставляют предполагать наличие разновременных частей, вставных листов и тетрадей и в протографе Н1Л – новгородском владычном своде (см. [14. С. 14, 67]). Важный сопоставительный материал представляет в данном отношении западноевропейская традиция, располагающая, в отличие от русской, целым рядом древних летописных памятников, дошедших в оригиналах. Образцы таких “живых летописей” как правило представляют собой кодексы сложной структуры, с заме-

ненными и добавленными листами и тетрадями, дополнениями на полях и т.д. (см. [13. С. 181–183]).

На этом фоне предполагаемая кодикологическая нерегулярность рукописи Сильвестра после ее “обновления” на основе редакции 1117 г., выглядит скорее правилом, чем исключением. Как мы увидим в дальнейшем¹⁷, это предположение позволяет объяснить некоторые особенности структуры как всей лаврентьевской группы списков, так и самой Лаврентьевской летописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1.
2. *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв.
3. Полное собрание русских летописей. СПб., Пг., М. 1841–.
4. *Русинов В.Н.* Летописные статьи 1051–1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций “Повести временных лет” // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия История. 2003. Вып. 1(2).
5. *Vaillant A.* La chronique de Kiev et son Auteur // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1954. Књ 20.
6. *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб, 2002. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах.
7. *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
8. *Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в “Повести временных лет”. Барнаул, 1995.
9. *Шахматов А.А.* Киевский Начальный свод 1095 года // А. А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947.
10. *Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. Сборник к 60-летию В. М. Живова. М., 2006.
11. *Алеиковский М.Х.* Первая редакция Повести временных лет // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1969.
12. *Алеиковский М.Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.
13. *Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей // Жанры и формы в письменной культуре Средневековья. М. 2005.
14. *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6[16]. СПб., 1997.
15. *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. 2000. № 1.
16. *Черепнин Л.В.* “Повесть временных лет”: ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. 1948. Т. 25.
17. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М., 1901. Т. 1. Период киевский или домонгольский. Первая половина тома.
18. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
19. *Вилкул Т.* Новгородская первая летопись и Начальный Свод // Palaeoslavica, 2003. Vol. 11.
20. *Русинов В.Н.* Послание инок Поликарпа к игумену Акиндину и его источники // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н. Новгород, 1997.
21. *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
22. *Лихачев Д.С.* Повесть временных лет: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2.
23. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963.
24. *Лурье Я.С.* О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. 1981. Т. 37.
25. *Никитин А.Л.* Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.

¹⁷ Продолжение статьи предполагается опубликовать в одном из ближайших номеров журнала.

26. Müller L. Die "dritte Redaktion" der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967.
27. Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.
28. Творогов О.В. Существовала ли третья редакция "Повести временных лет"? // In memoriam: Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997.
29. Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: по поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // Известия ОРЯС. 1924. Т. 24.
30. Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы: история и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2005. М., 2006.
31. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969.
32. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. М., 1976.
33. Вилкул Т. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. // Palaeoslavica, 2005. Vol. 12.
34. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995
35. Успенский сборник XII–XIII в. М., 1971.
36. Бугославский С.А. "Повесть временных лет": списки, редакции, первоначальный текст // Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М.; Л., 1941.
37. The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Ed. By Donald Ostrowski. [Harvard, 2003]. Vol. 1.
38. Гиппиус А.А. О критике текста и новом переводе-реконструкции Повести временных лет // Russian Linguistics. 26 (2002).
39. Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademičeskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja, ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller (= Forum Slavicum, Bd. 56), München., 2001.
40. Назаренко А.В. Новый труд известного слависта: к выходу в свет немецкого перевода Повести временных лет Л. Мюллера // Славяноведение. 2002. № 2.
41. Мюллер Л. К критике текста, тексту и переводу Повести временных лет // Russian Linguistics. 2006. Vol. 30.
42. Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002.
43. Свердлов М.Б. Историческая память и историческая действительность в сказании о трех братьях-варягах // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 2000. Материалы конференции. М., 2000.
44. Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Средние века и раннее Новое время. Сборник статей к 60-летию Л.В. Милова. М., 1999.
45. Бережков Н.Г. Хронология древнерусского летописания. М., 1963.
46. Прохоров Г.М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 2.